

На правах рукописи

Рокотянская Людмила Олеговна

ЮМОР: СУЩНОСТЬ, ВИДЫ, ФУНКЦИИ В ОБЩЕСТВЕ

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Москва – 2019

Работа выполнена в Московском государственном техническом университете имени Н.Э. Баумана (национальном исследовательском университете).

Научный
руководитель:

Губанов Николай Николаевич,
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (национального исследовательского университета)

Официальные
оппоненты:

Гринин Юрий Дмитриевич,
доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник центра изучения социокультурных изменений Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт философии Российской академии наук

Тагиров Филипп Владимирович,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Ведущая
организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет» (МПГУ)

Защита диссертации состоится «17» января 2020 года в 15:00 на заседании диссертационного совета Д 212.141.12 при Московском государственном техническом университете имени Н.Э. Баумана (национальном исследовательском университете) по адресу: 105005, Москва, Рубцовская набережная, 2/18, УЛК, ауд.720.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке МГТУ им. Н.Э. Баумана и на сайте www.bmstu.ru.

Отзывы на автореферат в двух экземплярах, заверенные печатью учреждения, просим высыпать по адресу: 105005, Москва, ул.2-я Бауманская, д.5, ученому секретарю диссертационного совета Д 212.141.12.

Автореферат разослан «___» 2019 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор философских наук,
доцент

В.А. Иноземцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Содержание диссертационного исследования соответствует требованиям паспорта научных специальностей ВАК РФ по специальности 09.00.11 — социальная философия; пункт 24 — источники и механизмы социокультурного изменения.

Актуальность исследования

Юмор — универсальная характеристика человеческой культуры. Изучение его сущности, форм и способов функционирования способно существенно обогатить социально-философское знание, а также способствовать совершенствованию коммуникативных практик. Внимания заслуживают не только многообразие, необычность и противоречивость проявлений юмора в социально-культурном контексте, но и прагматическая значимость явления, которая становится все более заметной в большинстве сфер нашей жизни.

Мы являемся непосредственными свидетелями выхода юмора из тени кажущейся бесполезности. На протяжении веков смех и, соответственно, явления с ним связанные ассоциировались в лучшем случае с пустотой, бесполезностью и глупостью, а в худшем — с грехом и пороком. Однако начиная примерно с конца XIX — начала XX вв. происходит постепенная реабилитация явлений смеха и юмора — преобладающим становится в целом позитивный взгляд на данные явления. На фоне смены парадигмы юмора происходит и кардинальная переоценка обществом его полезных функций. Сегодня человечество продвинулось еще дальше — от осознания пользы юмора оно перешло к осознанию возможностей его практического использования. Из забавной игрушки юмор превращается в технологию. Юмор активно профессионализируется и коммерциализируется. Едва заметной становится реклама, которая все лучше маскируется под шутку.

Характерной чертой современности является также смешение видов деятельности, традиционно считавшихся «серьезными», с элементами «несерьезных». Французский философ Ж. Липовецки пишет: «Комическое возникло не сейчас. Но только в постмодернистском обществе было покончено с противопоставлением серьезного и несерьезного»¹. Большие перспективы сулит нам умелое использование юмора в сферах педагогики и образования. Дальнейшие исследования в области нестандартных педагогических техник, включающих помимо юмора также явление игры, становятся особенно актуальными в свете преобладания кризисных явлений в мировой системе образования². В современной педагогической мысли преобладают идеи переориентации педагогических практик в сторону

¹ Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2001. С. 201.

² Губанов Н.Н. Вызов Аполлона как стимул развития образования // Alma mater (Вестник высшей школы). 2014. № 5. С. 19–23.

развития творческого мышления, умения учиться самостоятельно на протяжении всей жизни и работать с большими объемами информации³. В решении хотя бы части из перечисленных проблем может помочь компетентное использование юмора. Изучение особенностей применения юмора в педагогической деятельности может принести большие плоды там, где, как это часто бывает, их никто не ожидал.

Процессы глобализации выявляют значимость проявлений юмора в конфликтах. Знаковыми стали международные скандалы вокруг карикатур европейских изданий «Юлландс Постен» и «Шарли Эбдо», которые буквально разделили европейское общество на Нас и Других, обострив все возможные деструктивные оппозиции: европейцы – арабы, Запад – Восток, христиане – мусульмане, верующие – атеисты⁴. Не является исключением и наша страна. В последние годы существенно возросло число скандалов, в основе которых лежит противостояние юмора и религии. Православие, как одна из традиционнейших компонент русской национальной идеи⁵, все чаще становится мишенью для юмора и юмористического поведения, что часто оборачивается ответным применением силы. «Разрешение» конфликтов сводится к заведению уголовных дел против шутников. Результаты же нашего исследования свидетельствуют о том, что подобное «урегулирование» конфликтов не учитывает знаний социально-культурной динамики юмора и только обостряет уже имеющиеся противостояния. Дело в том, что для представителей современной цивилизации юмор и чувство юмора стали чем-то большим, чем просто развлечение. Чувство юмора сегодня является одной из наиболее ценных черт личности. Практически в любой сфере нашей жизнедеятельности мы стремимся к выбору именно тех партнеров, которые отличаются развитым чувством юмора⁶. Даже к первым лицам государства порой предъявляется требование хорошо развитого

³ Ivlev V., Ivleva M. The Modern Aspect of Education Ecology: the Concept of Lifelong Learning in the Context of Information Society // International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2018. Vol. 283. P. 27–30.

⁴ Губанов Н.Н., Губанов Н.И., Волков А.Э. Наука о ментальных основаниях общественной солидарности [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник. 2018. №3. URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/510.html> (дата обращения: 03.09.2019).

⁵ Лебедев К.С., Нехамкин В.А. Русская национальная идея в глобализирующемся мире: перспективы эволюции [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2015. № 12. URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/326.html> (дата обращения: 03.09.2019).

⁶ Мартин Р. Психология юмора. СПб.: Питер, 2009. С. 164.

чувства юмора⁷. Неудивительно, что среди политических лидеров стран мира все чаще появляются как носители откровенно трикстерского поведения, так и профессиональные комики. Ситуация немыслимая для ушедших исторических эпох, в которых шут никак не мог стать королем, однако вполне закономерная и понятная для общества современного. Невероятно высокий, по историческим меркам, статус юмора в современном социально-культурном контексте приводит к необходимости включения его в разряд актуальнейших проблем социальной философии.

Степень научной разработанности проблемы

Интерес мыслителей к явлениям смеха и смешного зарождается уже в эпоху античности, а, возможно, и раньше. Ведь большинство трактатов с говорящим названием «О смешном» либо не сохранились вовсе, либо дошли до нас лишь в виде небольших отрывков или даже отдельных фраз. К философам, чьи воззрения на смех сохранились в значительном для анализа объеме, можно отнести Платона, Аристотеля, Цицерона и Квинтилиана. Работы данных мыслителей легли в основу всей будущей науки о смехе и смешном. Так, в античную эпоху впервые была высказана идея о безвредности и безобидности смеха. Аристотель определил смешное как «ошибку», которая «никому не причиняет страдания»⁸. Платон предложит подход к анализу смешного, который пользуется популярностью по сей день. Его смысл заключается в поиске антитезы смешному. Сам философ видел антитезу смешного в серьезном. Цицерон и Квинтилиан посвятили свои работы прагматической цели — использованию смеха в профессиональной деятельности оратора.

В античную эпоху мы впервые встречаемся и с понятием «юмора». Однако никакого отношения к сферам смеха и смешного оно не имеет. Греческое слово «χυμός» используется в значении «сок», «жидкость». Своим распространением «юмор» будет обязан популярности теории жидкостей (гуморальной теории) Гиппократа. Лишь значительно позже медицинские термины «humogem»/«humor», пройдя череду смысловых трансформаций, обретут свое современное значение.

Эпоха Средневековья оказалась значительно менее плодотворной — ни одной оригинальной концепции смеха или смешного предложено не было. По мнению ряда исследователей (М.М. Бахтин, Дж. Морреал, А. Кёстлер, А. В. Голозубов и др.), связано это с тем, что в официальной культуре средневековья преобладало в целом негативное отношение к смеху. Смех

⁷ Нехамкин А.Н., Нехамкин В.А. Идеальные характеристики руководителя государства XXI в.: опыт России и зарубежья [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2018. № 2. URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/507.html> (дата обращения: 03.09.2019).

⁸ Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. С. 153.

ассоциировался с грехом, пороком, глупостью, бесполезностью. В оценках явления преобладал морализаторский тон.

В Новое Время смех все еще воспринимается в негативном ключе и находится на периферии философских изысканий. Несмотря на это, количество оригинальных концепций, созданных в данный исторический период, поражает. Всего за три века — с XVI по XX вв. — закладываются основы всей современной науки о смехе и юморе. Наконец-то в активный обиход входит понятие «юмор», а к XIX в. оно не только приобретает свое современное значение, но и начинает вытеснять понятие «комического». Именно в этот период будут предложены три, на сегодняшний день базовые, концепции: «теория превосходства» (Т. Гоббс), «теория разрядки» (И. Кант, Т. Липпс, Г. Спенсер, З. Фрейд), «теория противоречия» (Дж. Битти, Г.В.Ф. Гегель, А. Шопенгауэр). Большинство современных теорий «смеха», «юмора» или «комического», предложенных за период XX–XXI вв. представляют собой микс из трех выше перечисленных концепций. Постепенно философы начинают обращать внимание не только на объект смеха, что традиционно выражалось в самих понятиях «смешное», «комичное», но и на его субъект (Т. Гоббс, Жан Поль, З. Фрейд и др.). В качестве субъективных составляющих комического чаще всего рассматривают «юмор» и «сатири» — как два полюса особого отношения субъекта к объекту осмеяния — от примиряюще-миролюбивого до негативистско-критического. Отдельному рассмотрению подвергается явления иронии, идеальным выразителем которого, по мнению целой плеяды философов, выступает Сократ (Ф. Шлегель, Жан Поль, Г.В.Ф. Гегель, С. Кьеркегор и др.). С именами А. Бергсона и Н.Г. Чернышевского связывают открытие социальной природы смеха, а также его особых общественных функций.

XX в. знаменует окончательный переход к позитивной парадигме юмора. Негативные ассоциации прошлого отходят на второй план, открывая возможности для раскрытия прежде незаметных функций юмора. Происходит всплеск научного интереса к «смеху», «смешному», «комичному», «юмору» и другим смежным понятиям, которые во многом являются синонимичными. Неразбериха в их использовании присутствует до сих пор. Для описания одних и тех же явлений используется различный понятийный аппарат. Зачастую на выбор ключевого понятия влияют как личные предпочтения исследователя, так и традиции той научной дисциплины, в рамках которой проводится исследование. Тем не менее при ближайшем рассмотрении между «теориями комического», «теориями юмора» и «теориями смеха» никакой существенной разницы обнаружить не удается.

Помимо многочисленных работ теоретической направленности, существенную роль в теории юмора начинают играть эмпирические исследования. В 1989 г. в США появляется первый научный журнал, посвященный междисциплинарному изучению явлений смеха и юмора — «Юмор: международный журнал исследований юмора» («HUMOR:

International Journal of Humor Research»). В 2013 году в свет выходит его европейский аналог — «Европейский журнал исследований в области юмора» («European Journal of Humour Studies»).

Смех и юмор давно стали объектами междисциплинарного изучения. Так, этологические свидетельства связи смеха, а значит косвенно и юмора, с игрой, полученные в 70-е гг. XX в., оказали свое влияние на последующие теоретические концепции. Неудивительно, что сегодня многие теории юмора в своей базовой идее обращены именно к анализу игры (М.Т. Рюмина, А.Г. Козинцев и др.). Исследования чувства юмора детей и высших приматов (П. МакГи, М. Вульфенстайн, Р. Провайн, Дж. Панкsep, А.Г. Козинцев и др.) натолкнули ученых на мысли о том, что под «юмором» мы чаще всего понимаем формализованные, вербальные, в высшей степени абстрактные шутки уже взрослых людей. В то время как «протоюмор», или «примитивные формы юмора», остаются незамеченными и недооцененными.

Изучению юмора, смеха или комического как целостному социальнокультурному явлению посвятили свои работы следующие российские и советские ученые: М.М. Бахтин, Ю.Б. Борев, А.В. Вулис, Б.О. Дземидок, А.В. Дмитриев и А.А. Сычев, Л.В. Карасёв, А.Г. Козинцев, Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, А.Ф. Лосев и В.П. Шестаков, А.Н. Лук, А.Я. Пропп, М.Т. Рюмина, Л.Н. Соловьев и др.

В зарубежной науке о юморе можно выделить следующих исследователей: С. Аттардо, М. Вульфенстайн, Б. Дземидок, К. Дэвис, А. Зив, Д. Зиллманн, А. Кёстлер, Ж. Липовецки, Р. Мартин, Дж. Морреал, П. МакГи, П.А. МакГроу, Э. Оринг, Дж. Панкsep, Р. Провайн, В. Раскин, В. Рух и др. К большинству работ зарубежных исследователей юмора мы обращались опосредованно — через русскоязычные обзоры результатов эмпирических и теоретических исследований, содержащиеся в книгах Р. Мартина «Психология юмора» и А.Г. Козинцева «Человек и смех». Отметим, что в отечественной науке имеется существенный дефицит обзорных работ, посвященных данной тематике.

Несмотря на довольно большое число исследований, рассмотрению смеха и юмора в контексте социокультурных изменений посвящено не так много работ. Отдельно можно выделить М.М. Бахтина (анализ изменений смеховой культуры западноевропейского средневековья), Д.С. Лихачева и А.М. Панченко (анализ механизмов развития смеховой культуры Древней Руси), А.Ф. Лосева и В.П. Шестакова (анализ истории появления и развития категорий иронии и гротеска), а также французского философа Ж. Липовецки (анализ «юмористического общества» современности в сравнении с предшествующими историческими эпохами). Мало внимания в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей уделяется «непримечательным» проявлениям и разновидностям юмора — речь идет, в большей степени, о черном юморе и оскорбительном юморе (или же, напротив, оскорблении юмором).

Объект исследования: юмор как компонент культуры.

Предмет исследования — сущность, виды юмора, его функции в обществе.

Цель исследования — раскрыть сущность, особенности видов юмора, его функции в обществе и перспективы использования для совершенствования коммуникативных практик.

Задачи исследования:

1. Раскрыть динамику изменения научно-философских представлений о смехе и явлений, связанных с ним, за исторический период Античность — наши дни.

2. Определить научно-философский статус понятия «юмор». На основании анализа современных теоретико-эмпирических исследований, дать авторское определение юмора.

3. Определить место и роль юмора в культуре.

4. Провести обзор исследований, посвященных прагматике использования функциональных возможностей юмора в различных сферах общественной жизни. Выработать рекомендации по практическому применению юмора в сфере образования.

5. Исследовать особенности развития конфликтов, в основе которых лежит оскорбительный юмор или оскорблении юмором.

6. Выявить причины развития, факторы популярности и особенности функционирования в обществе черного юмора.

Теоретико-методологические основания исследования

В основу теоретико-философской базы данного исследования, равно как и всей современной науки о юморе, легли работы Аристотеля, Платона, Цицерона, Квинтилиана, Т. Гоббса, И. Канта, Ф. Шлегеля, Ф. Шеллинга, Жан Поля, Ф.В.Г. Гегеля, А. Шопенгауэра, А. Бергсона, З. Фрейда, А. Кёстлера и др.

Наиболее существенное влияние на наше исследование оказала работа М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», которая заложила основы социокультурного подхода к изучению смеха и юмора как в нашей стране, так и за рубежом.

На протяжении всей работы мы обращались к русскоязычным обзорам теоретических и эмпирических исследований, представленных в работах Р. Мартина и А.Г. Козинцева.

Теоретико-эмпирической базой представлений о сущности и видах юмора, а также об этапах развития чувства юмора, стали работы П. МакГи, М. Вульфенстайн, Р. Провайна, Дж. Панкsepпа.

При анализе соотношения роли и места юмора в культуре мы обращались к игровой концепции культуры Й. Хёизинги и Р. Кайуа,

«сценарному анализу» Э. Берна и К. Штайнера, теории смеха и юмора А.Г. Козинцева.

При анализе функций юмора в рекламе мы обращались к обзорной статье И.И. Макиенко, содержащей анализ иностранных исследований, посвященных проблемам эффективности использования юмора в рекламе. С точки зрения социокультурной динамики особый интерес представляет масштабное исследование М.Г. Вайнбергер, Ч.С. Гулас, М.Ф. Вайнбергер, посвященное анализу наружной рекламы за почти столетний период. Существенное влияние на наши представления о юморе в продвижении интернет-контента оказало исследование Л. Шифман.

При исследовании возможностей использования юмора в образовании были использованы результаты как отдельных исследований, так и ряда обзорных статей по данной тематике. Отдельно хотелось бы отметить исследование М.Б. Ванцер, Э.Б. Фраймер, Э.М. Войташчик, Т. Смит (2006), посвященное анализу допустимых и недопустимых форм преподавательского юмора; исследование Т. Платт, Л. Вагнер, В. Рух (2016), посвященное изучению «клоунов класса».

В основу изучения ситуаций оскорбительного юмора и оскорблений юмором легли статьи В. Сараглоу; Б. Швайцера и К.-Х. Отта, посвященные исследованию взаимосвязи между религиозностью и чувством юмора. Для анализа теологических концепций юмора — речь идет о так называемом направлении «теологии радости» (Э. Трублад, Х. Кокс, К. Хайерс, Э. Грили, П. Бергер и др.) — мы прибегли к работе А.В. Голозубова «Теология смеха». Помимо этого, большое влияние на результаты работы оказал сборник эссе Международного общества исследования юмора, посвященный датскому карикатурному скандалу (К. Дэвис, Г. Куперс, В. Раскин, Э. Оринг, А. Льюис, Р.А. Мартин), а также исследование М. Смит, посвященное анализу влияния «несмеховой» реакции на развитие конфликта.

При анализе явления черного юмора нами были использованы исследования отечественных фольклористов о «садистских стишках» и детских «страшилках» (М.П. Чередникова, А.Л. Топорков, М. Лурье и др.). Зарубежным аналогом подобного фольклора стал так называемый «цикл анекдотов о мертвых младенцах», детально описанный американским ученым А. Дандесом. При анализе «юмора катастроф» мы обращались к работам Е.Р. Саймонс, У. Смит, Э. Оринга, Б. Эллиса, У. Филлипс. На наши выводы об источниках и механизмах социокультурной динамики развития черного юмора, оказали влияние работы французского историка Ф. Арьеса и австрийского психоаналитика и философа З.Фрейда. На изучение факторов популярности черного юмора — эксперименты американских психологов П.А. МакГроу, С. Уоррена, Л.Е. Уилльямса.

Материалами для примеров и рефлексии послужили философские и художественные тексты, фильмы, анимационные сериалы, видеозаписи TED-конференций, выступления известных комиков. Использовались абстрактно-

логический метод, метод системного анализа, исторический, и компаративистский методы.

Недостаточно в научно-философской мысли раскрыты аспекты неоднозначных проявлений юмора в обществе. Мало внимания уделено проблемам черного юмора. Слабо исследованы особенности функционирования юмора в конфликтных ситуациях. Отдельного внимания требует глубокое изучение особенностей взаимоотношений между юмором и религией, юмором и игрой, а также юмором и культурой в целом. В области терминологии, классификаций и иной систематизации научного материала также имеются существенные пробелы — связаны они с уходом от междисциплинарного взгляда на явления смеха и юмора, а также с тенденцией к переносу устаревших подходов, представлений и норм языка на современные типологии исследуемых явлений.

Научная новизна исследования:

1. Произведен анализ развития философских представлений о природе смеха и явлений, связанных с ним, в ходе истории.
2. Раскрыта сущность современных подходов к изучению юмора. На основании анализа современных эмпирических и теоретических исследований, дано авторское определение юмора.
3. Раскрыты особенности взаимоотношений между юмором и устойчивыми элементами культуры.
4. Проведен обзор исследований, посвященных прагматике использования полезных функций юмора в различных сферах общественной жизни. Подготовлены рекомендации по практическому применению юмора в сфере образования.
5. Раскрыты особенности развития конфликтов, в основе которых лежит оскорбительный юмор или оскорбление юмором.
6. Выявлены причины развития и факторы популярности черного юмора.

Основные положения выносимые на защиту:

1. Основные формы юмора, представления о его природе, а также понятия, используемые для описания явления юмора подвержены изменению в связи с процессом культурно-исторического развития общества. За исторический период с античности до наших дней слово «юмор» сменило по меньшей мере шесть значений: 1) «юмор» как понятие, не имеющее никакого отношения к сфере смешного; 2) «юмор» как выражение особого причудливо-эксцентричного характера; 3) «юмор» как характеристика личности «юмориста»; 4) «юмор» как разновидность «комического»; 5) «юмор» как понятие синонимичное «комическому»; 6) «юмор» как понятие современной междисциплинарной науки.

2. Понятие «юмор» не является подчиненным по отношению к понятию «комического». «Юмор» служит аналогом «комического», что подтверждается как нормами современного языка, так и практикой

междисциплинарной науки. Юмор — явление социально-культурной природы, неразрывно связанное с явлением смеха. Смех, в свою очередь, представляет собой особую вокализацию человека, которая сопровождается при этом специфической мимикой. В социально-культурном взаимодействии юмор является разновидностью сообщения (верbalного или неверbalного), которое может быть охарактеризовано тремя компонентами: сигнально-когнитивной, психологической, социально-культурной.

3. Юмор проявляет себя двояко: с одной стороны является порождением культуры, с другой — нарушителем ее наиболее устойчивых элементов. Юмор подвергает временной отмене нормы, табу, правила языка и логики.

4. Открытие функциональных возможностей юмора происходит по мере социально-культурного развития. В современном обществе заметен тренд на раскрытие прагматической ценности юмора. Юмор сочетается с запросами современной педагогической и медицинской мысли, может быть использован в качестве эффективной педагогической стратегии при условии его компетентного использования, а также как средство психотерапии.

5. Публичные конфликты, в основе которых лежит оскорбительный юмор или оскорблении юмором, чреваты серьезными репутационными рисками для той стороны, которая «не поняла» шутку. Несмеховая реакция на юмор способствует дополнительному раскручиванию спирали насмешек в отношении стороны, продемонстрировавшей подобную реакцию. Связано это с тем, что юмор является одной из ценностей современного общества.

6. К причинам развития черного юмора относятся следующие социокультурные тенденции: 1) общее изменение отношения общества к явлениям смеха и юмора — от в целом негативного к в целом позитивному; 2) изменение отношения общества к проблемам детей и детства; 3) изменение отношения общества к смерти, особенно детской. Факторами популярности конкретных образцов черного юмора являются: 1) эффект психологической дистанции; 2) повторяемость эмоционально насыщенной информации, содержащей элемент необратимости.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Материалы исследования могут быть использованы как в целях практического использования юмора, так и в целях дальнейшей научной работы. В «Заключении» данной работы содержатся практические рекомендации по эффективному и компетентному использованию юмора в педагогической деятельности. Более того, в работе проведен методологический анализ современных научных подходов к изучению смеха и юмора, основных теоретических концептов, эмпирических результатов, а также анализ основных понятий, используемых в данной научной области. Теоретические выводы исследования могут способствовать дальнейшему изучению явлений смеха и юмора в рамках различных направлений научно-философской мысли.

Апробация работы

Основные результаты и выводы работы докладывались на следующих научных форумах:

1. Всероссийский конкурс научно-исследовательских работ в области инженерных и гуманитарных наук «Политехника». Москва, 2016.
2. 2-й Всероссийский форум научной молодежи «Богатство России». Москва, 2019.

Публикации

По теме диссертации опубликованы: 15 статей, 5 из которых — в научных журналах, входящих в перечень ВАК РФ, а также 5 работ — в международных изданиях. Авторский объем публикаций — 6,76 п.л.

Структура и объем диссертационного исследования

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. Общий объем диссертации составляет 242 страницы. Список литературы включает 196 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

«Введение» диссертационного исследования посвящено анализу актуальности и значимости выбранной темы, а также степени ее научной разработанности. Обоснованы предмет, объект исследования. Сформулированы цели и задачи исследования. Представлены положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Подходы к пониманию сущности юмора в контексте социокультурного развития»** включает в себя три параграфа и посвящена анализу динамики изменения представлений о смехе и явлениях с ним связанных («смешное», «комическое», «юмор», «остроумие», «ирония») со времен Античности до наших дней.

Первый параграф **«Представления о смехе и явлениях с ним связанных: Античность – Средневековье»** посвящен анализу позиций смеха и смешного, соответствующих указанному историческому периоду.

Согласно Аристотелю, об истории трагедии нам известно многое, история же комедии полна пробелов — ведь на нее долгое время никто не обращал внимания. Тем не менее развитие жанра комедии в античную эпоху порождает и необходимость ее философского осмысления, а вместе с тем — связанных с ней явлений смеха и смешного. Все более актуальными становятся этические и прагматические вопросы, связанные с данными явлениями. Можно ли пародировать достойных людей? Можно ли изображать богов смеющимися? Стоит ли оратору апеллировать к смеху? Платон отвечает на эти вопросы решительным отрицанием. Его позиция в отношении смеха отличается недоверием и порицанием. И хоть он и признает необходимость изучения смешного — ведь без него не понять и серьезного — но все-таки не рекомендует своим ученикам, свободным

гражданам, излишне предаваться смешному. Следует оставить эти занятия рабам и чужеземцам. Отношение Платона к смешному и смеху вряд ли можно считать отражением общего отношения древнегреческого общества к данным явлениям. Античная эпоха в целом оставила после себя немало трактатов с говорящим названием «О смехе» или «О смешном», однако большая их часть до наших времен не дошла. Утерянными значатся и трактаты знаменитого смеющегося философа Демокрита — а ведь он, по замечаниям Цицерона, серьезно интересовался вопросами физиологии смеха.

Более сдержанной оценки смеха и смешного придерживались Аристотель, Цицерон и Квинтилиан. Хотя об Аристотеле мы этого достоверно утверждать не можем — ведь вторая часть его трактата «Поэтика», посвященная исследованию комедии, числится утерянной. Реконструкции возможного ее содержания итальянский писатель и философ У. Эко посвятил свой знаменитый роман «Имя Розы». В любом случае, опираясь на те данные, которые у нас все-таки имеются, можно сделать некоторые выводы. Каким бы ни было отношение античных философов к смеху, все они непременно склоняются к следующим трем идеям: 1) причину смеха следует искать в его объекте; 2) смех требует знания меры; чрезмерный смех — удел низших представителей общества; 3) смешное, даже будучи отражением чего-то плохого, не может принести нам реальных страданий — смех безвреден.

Аристотелю принадлежит первое, известное миру, определение смешного. Смешное — есть некое безобразие или даже ошибка, однако совершенно безвредная по своей сути. Цицерон же предлагает первую в мире типологию смешного. Квинтилиан признает, что смех снимает напряжение и помогает нам расслабиться, отвлечься от повседневных проблем. В целом работы Цицерона и Квинтилиана свидетельствуют о беспрецедентно высоком положении смеха в античном обществе. Судя по всему, шутки и язвительное парирование активно использовались древними римлянами на политической арене и в суде. Даже сегодня, в эпоху свободы слова и позитивной парадигмы юмора, мы вряд ли найдем адвоката, который осмелится пошутить во время судебного заседания.

Отметим, что в античную эпоху впервые появляются «юмор» и «ирония». Однако означают эти слова не то, что мы понимаем под ними сегодня. «Ирония» в большей степени употребляется в негативном ключе, как некое притворство или даже ложь. Лишь «ирония Сократа», как выражение особого подхода к философствованию, носит позитивный оттенок, сближаясь по своему значению с современным. Греческое слово «χυμός» (сок, жидкость), прежде чем обрести свое современное звучание и смысл, переживет немало трансформаций. Своему развитию понятие «юмор» будет обязано популярности теории жидкостей (или «гуморальной теории») Гиппократа.

Прогресс в философском осмыслении явлений смеха и смешного, достигнутый эпохой античной, будет почти полностью нивелирован регрессом эпохи средневековой. Смех и смешное перестанут быть просто чем-то мало заметным — они перейдут в разряд явлений нежелательных, греховных, требующих незамедлительного искоренения. С лихвой реализуются и некоторые идеи Платона — богов, действительно, перестанут изображать смеющимися.

Для лучшего понимания позиций смеха в средневековом обществе мы обратились к работам М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева и А.М. Панченко, Ж. Ле Гоффа и Н. Трюона, Дж. Морреала, А.В. Голозубова и др. По словам М.М. Бахтина, смех в средние века был вытеснен из всех жанров «высокой идеологии». Смех и даже само веселье в идеологии средневекового христианства ассоциируются с грехом. В то время как страх, смирение, печаль и плач одобряются как очищающие душу. Положительная оценка присутствует лишь в отношении категории радости, проявлением которой служит смиренная и сочувствуяющая улыбка. В данную историческую эпоху смех и смешное так и не смогут стать полноценными объектами для философских изысканий — любые попытки осмысления данных явлений будут сводится к морализаторству, назиданиям и запретам.

Вследствие описанных выше исторических событий уже в современную эпоху появится идея о том, что недоверие и чрезмерное морализаторство по отношению к смеху и смешному, подкрепляемое на протяжении веков религиозной мыслью, — не просто историческая случайность, но свидетельство более глубокой несовместимости религии и юмора.

Однако отсутствие смешного в «официальной», высокой, культуре, наряду с повсеместным насаждением атмосферы страха, греха и серьезности церковью, приводит к смеховой гиперкомпенсации в части различного рода массовых гуляний, сопровождаемых многочисленными пародиями на церковные ритуалы. Основная роль в средневековой эстетике смешного отводится образам «материально-телесного низа» (образы питья, еды, половой жизни, испражнений).

Во многом подобное положение дел связано с аскетизмом высокой христианской культуры. Согласно исследованию Ж. Ле Гоффа и Н. Трюона, специфические позиции смеха в средневековом обществе связаны с отречением христианства от тела и его потребностей. Всевозможные запреты на проявление потребностей тела (требования соблюдения поста, аскезы сексуальной жизни и др.) приводят к переносу «низких» тем в сферу смешного. Пост сменяется масленицей, аскеза — буйными пиршествами, карнавальными гуляниями, а также пародиями на все, что сдерживает естественные порывы человеческого тела. Карнавал дает возможность нарушить запреты религиозной идеологии за счет отражения всего запретного в смешном.

Таким образом, неприязнь к смеху со стороны средневековых религиозных мыслителей вполне закономерна и во многом связана с содержанием средневекового юмора, который, в свою очередь, служит ответной реакцией на запреты самой церкви.

Второй параграф «Представления о смехе и явлениях с ним связанных: Новое время» служит закономерным продолжением параграфа первого и затрагивает исторический период XVI – начала XX вв.

В Новое время смех и смешное вновь привлекают внимание философов. Возрождается интерес к античной комедии и произведениям писателей эпохи Ренессанса (М. Серванте, Ф. Рабле, В. Шекспир). Особенна характерна данная тенденция для эстетических и философских поисков романтиков (А. Шлегель, Ф. Шлегель, Ф. Шеллинг, К.В.Ф. Зольгер, Жан Поль). Глубокий анализ античной комедии можно найти в работах Ф.В.Й. Шеллинга. Немецкий философ обращает внимание на наличие связи между смехом и свободой. По его мнению, расцвет или, наоборот, упадок жанра комедии напрямую зависит от политического строя и предоставляемых этим строем свобод. Так, по мнению Ф.В.Й. Шеллинга, древнегреческая комедия прошла несколько этапов — от образцовых комедий Аристофана до бытовых, лишенных какой-либо политической остроты, комедий Менандра. Причины подобного упадка Ф.В.Й. Шеллинг видит в ужесточении законодательства в отношении использования образов реальных лиц и событий для создания комедийного материала.

Вполне закономерно, что увлечение комедией идет рука об руку с интересом к «комическому» вообще. Помимо собственно «смеха», «смешного» и «комического» в работах философов Нового времени мы встречаем также понятия «иронии», «остроумия» и «юмора». Едва войдя в иерархию «комического», данные понятия сразу же приобретают в ней необычайно высокий статус. При этом наивысшего положения удостаивается именно «юмор». «Humor», проникнув в словарный оборот европейцев благодаря теории жидкостей Гиппократа, в скором времени начинает ассоциироваться с причудами характера, причины которых видятся именно в дисбалансе жидкостей организма. Примерно с XVI в. «humor» обрастает дополнительными смыслами. Приобретая все более и более позитивные оттенки, сближаясь в своем значении с понятиями забавности и веселости. И если поначалу слово используется лишь применительно к чудакам со странностями, то немного позже начинает ассоциироваться с особым талантом смешить людей и с аристократической эксцентричностью. В XVIII – XIX вв. «юмор» все еще используется в тесной связке с понятием «юморист». «Юмор» — это особая экзистенциальная и эстетическая позиция «юмориста», человека хорошо воспитанного и высоко интеллектуального. «Юмор» в данном значении носит сугубо элитарный характер и олицетворяет высшую форму «комического», а иногда — стоит на ступеньку выше «комического». Именно такое отношение к «юмору» мы встречаем в работах философов Нового времени — в частности, у Жан Поля, Г.В.Ф.

Гегеля, С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра, Н.Г. Чернышевского, З. Фрейда. Так, по мнению Жан Поля, «комическое» апеллирует к контрасту, а «юмор» — к контрасту в его предельной форме. Если «комическое» интересуется глупостью отдельных людей, то «юмор» — глупостью вообще. Не каждого писателя Жан Поль готов назвать «юмористом» и не каждое произведение — «юмористическим». По мнению С. Кьеркегора, «юмор» служит выразителем не человеческих установок, а «богочеловеческих»; «юмор» же призван сделать человека «богочеловеком». У А. Шопенгауэра мы находим историческое свидетельство того, что юмор, зародившийся в Англии для описания специфического, можно сказать, элитарного рода смешного, постепенно «опошливается» (хотя сегодня мы бы сказали — демократизируется) и начинает использоваться «сплошь да рядом», «употребляется в значении «комическое» вообще». Подобная тенденция не радует А. Шопенгауэра. К юмору он предъявляет ровно такие же высокие требования, как и его предшественники — Жан Поль и Г.В.Ф. Гегель. Не каждое произведение он готов назвать «юмористическим» и не каждого шута — «юмористом». Ведь за «юмором» непременно должна стоять серьезная идея.

В Новое время закладываются основы всей будущей науки о смехе и юморе. Именно в этот период будут предложены три, на сегодняшний день являющиеся базовыми, концепции: «теория превосходства», «теория разрядки» и «теория противоречия». Все последующие теории «смеха», «юмора» или «комического» в общем и целом будут сводиться к трем выше перечисленным.

«Теория» превосходства» обязана своим происхождением английскому философи Т. Гоббсу. Явление «смеха» он рассматривает в контексте более масштабной своей концепции — «войны всех против всех». Природу смеха английский мыслитель видит в стремлении шутника самоутвердиться, ощутить чувство превосходства и «внезапной славы».

«Теория противоречия» связана с именами Г.В.Ф. Гегеля, Дж. Битти и А. Шопенгауэра. Суть концепции заключается в том, что природу смешного следует искать в столкновении с неким противоречием. Наиболее полный и расширенный вариант «теории противоречия» принадлежит А. Шопенгауэру. Коренную причину «смеха» А. Шопенгаэр видит в ошибках абстрактного мышления. «Абстрактное познание» вторично и соотносится с «наглядным» как мозаика с живописью. Неожиданное обнаружение «несовпадения» между понятиями абстрактного познания и объектами реальности, представленными наглядно, — и есть то, что провоцирует нас на смех.

«Теория разрядки» (И. Кант, Г. Спенсер, Т. Липпс, З. Фрейд) — концепция, согласно которой природа смеха и всего смешного неразрывно связана с «разрядкой» внутреннего напряжения, вызванного необходимостью соблюдения норм социально-культурной жизни. Наиболее ярким представителем данной концепции является австрийский философ и

психоаналитик З. Фрейд. Любопытно, что З. Фрейд выделяет три отдельных явления: «остроумие», «комическое» и «юмор». «Остроумие» требует наличия третьего лица (зрителя) и связано с работой бессознательного. Большинство острот «тенденциозны» и призваны на время остановить процесс «торможения» социально неприемлемых тенденций бессознательного — непристойности, агрессии, цинизма и скепсиса. «Нетенденциозные», безобидные, остроты связаны с созданием абсурда и всевозможными играми с языком — они, по мнению З. Фрейда, являются основой развития остроумия и уходят своими корнями в явление детской игры. Лишь «остроумие» З. Фрейд связывает с работой бессознательного, «комическое» и «юмор» он локализует в предсознательном. Ни юмористическое, ни комическое удовольствие не зависят от наличия третьего лица. Комическое и юмор связаны не с прекращением торможения бессознательных желаний, а со сравнением между «Я взрослого» и «Я ребенка», что происходит, когда мы можем в другом заново открыть ребенка. Более того, если остроумие связано с деятельностью психологической защиты вытеснения, то юмор, по мнению психоаналитика, сам по себе является высшей разновидностью психологической защиты. Природа юмористического отношения, по мнению З. Фрейда, кроется в деятельности родительского Я, или «Сверх Я», которое не только служит внутренним голосом критика, но и оберегает Я от страданий. Тенденция З. Фрейда рассматривать «юмор» как некое субъективное отношение к ситуации или объекту служит все тем же последствием тесной ассоциативной связи между понятиями «юмора» и «юмориста», характерное для данной исторической эпохи.

В целом философам Нового времени характерен перевод фокуса внимания с объективного на субъективное. В отличие от аристотелевского подхода, внимание смещается с объекта смеха на его субъект. Причина смеха видится не столько в «смешном», сколько в особом внутреннем мотиве субъекта или же его отношении к объекту. Так, в теории Т. Гоббса таким мотивом служит стремление самоутвердиться или же перевести внимания с собственной бесталанности на недостатки другого. В теории Жан Поля утверждается необходимость «субъективного контраста». Разбирая сцены известных комедий, Жан Поль приходит к выводу — объективно ничего смешного или нелепого в действиях комедийных персонажей нет. Они действуют, исходя из собственного понимания происходящих с ними событий. И лишь знание дополнительной информации о ситуации, известной лишь зрителю, делает ее смешной.

В эпоху Нового времени происходит и осознание социальной природы смеха. Независимо друг от друга, философы А. Бергсон и Н.Г. Чернышевский приходят к одному и тому же выводу: все смешное связано исключительно с человеком. Объекты природы сами по себе не способны смешить нас. Они могут рассмешить только в том случае, если чем-то напомнят поведение или внешний вид человека. Таким образом, чтобы

понять природу смеха, необходимо перенести его в сферу общественных отношений и выяснить, какие функции он там выполняет. Современные эмпирические исследования лишь подтверждают выводы Н.Г. Чернышевского и А. Бергсона — действительно, смех возникает намного чаще в социальном контексте, нежели когда мы предоставлены самим себе. Это знание активно используется создателями комедийных шоу, использующих закадровый смех для воссоздания псевдосоциальной атмосферы.

Третий параграф нашего исследования «Современные подходы к изучению юмора» призван разобраться в понятийном аппарате и основных подходах к исследованию юмора, присутствующих в современной научно-философской мысли.

Понятия, призванные описать явления смешного, подвержены процессу культурно-исторической динамики. За предшествующие исторические эпохи был накоплен целый багаж взаимно пересекающихся понятий: «смех», «смешное», «комическое», «юмор», «остроумие», «ирония» и др. Неразбериха в их использовании присутствует до сих пор. Для одних и тех же теорий используются разные понятия. На выбор ключевого понятия чаще всего влияют личные предпочтения ученого, а также традиции той научной дисциплины, в рамках которой проводится исследование. Тем не менее при ближайшем рассмотрении между «теориями комического», «теориями юмора» и «теориями смеха» никакой существенной разницы обнаружить не удается. В отечественной и зарубежной научно-философской мысли наиболее часто встречаются следующие три понятия: «комическое», «смех», «юмор». Отдельно выделяют «иронию» и «сатиру» — либо как подкатегории «юмора», либо как подкатегории «комического», или же — как совсем иные по своей природе явления, слабо связанные со смеховой реакцией. Гораздо реже можно встретить понятия «остроумия» и «комизма».

Понятие «комическое» обладает богатой историей и служит категорией эстетики и философии вообще. «Комическое» часто используется в филологии, социологии, культурологии и многих других научных дисциплинах. Под «комическим» чаще всего понимается культурно оформленное, общественно значимое, смешное. Из сферы «комического» обычно исключаются физиологические и психологические механизмы функционирования смеха и смешного. Эстетическому подходу в исследованиях «комического» свойственен дедуктивный метод и обращение, в большей степени, к произведениям классиков мировой литературы. Однако имеются и исключения. Например, В.Я. Пропп отмечает, что для того, чтобы понять природу «комического», необходимо учитывать и цирк, и народный фольклор, и даже прислушиваться к повседневным разговорам. В.Я. Пропп призывает отказаться от абстрактного подхода к построению эстетических теорий комического и перейти к индуктивному методу проработки всех имеющихся явлений, вызывающих у нас смех. Сам В.Я.

Пропп в своей работе предпочитает использовать понятие «смех» в его наиболее широком значении.

«Юмор» и «сатира» в концепциях «комического» чаще всего рассматриваются как понятия подчиненные, отражающие субъективную сторону «комического». Речь идет либо о способности воспринимать «комическое», либо об особом отношении субъекта к объекту комического. В случае «сатиры» это отношение отличается критицизмом и недоброжелательностью, а в случае «юмора» — снисхождением, неконфликтностью и дружелюбием (см., например, исследования Б.О. Дземидока, Ю.Б. Борева, М.Т. Рюминой). Разделение изучаемого явления на две составляющие — объективную (комическое) и субъективную (юмор, сатира) — видится нам искусственным и нежизнеспособным как с точки зрения теории, так и с точки зрения эмпирии. Данная типология плодит сущности там, где их на самом деле нет.

Понятия «юмор», «юморист» и «чувство юмора» в их современном значении появились, с исторической точки зрения, сравнительно недавно, однако уже успели завоевать значимые позиции как в обыденном, так и в научном языках. В целом анализ, произведенный в предыдущих двух параграфах, свидетельствует о том, что за свою историю «юмор» сменил как минимум шесть значений (см. «Положения, выносимые на защиту», п.1). Сегодня «юмор» является понятием междисциплинарного уровня и служит аналогом «комического», вбирая в себя при этом дополнительно явления щекотки, «антитоведения» (или «протоюмора») детей, шимпанзе и горилл. Подобное понимание «юмора» характерно в большей степени для зарубежной научно-философской мысли.

Понятие «смех» как в отечественной, так и в западной научно-философской мысли используется в двух вариантах — в широком и в узком значениях. В широком — как аналог «комического» и «юмора», что в целом интуитивно соответствует многим языковым традициям мира. Так, предпочтение термину «смех» (в его широком значении) отдает довольно большое число исследователей: В.Я. Пропп, Л.Н. Соловьев, Л. В. Карасёв, М.М. Бахтин и многие другие. В узком смысле понятие «смех» служит для описания особой вокализации человека, сопровождающейся специфической мимикой.

Мы полагаем, что, по большому счету, в современной научно-философской мысли понятия «юмор», «комическое», «смех» в их наиболее широком значении, могут считаться синонимичными. В своей работе мы склоняемся к использованию понятия «юмор». Понятие «смех» рассматривается нами в узком смысле.

Теории юмора, а также основные подходы к его исследованию, являются отражением общей динамики социокультурных изменений. Начиная с конца XIX — начала XX вв. значительно возрастает интерес к научно-философскому осмысливанию вопросов смеха и юмора. Происходит

это на фоне общего изменения отношения общества к данным явлениям — от в целом негативного к в целом позитивному. В итоге за один только XX век, не считая века нынешнего, было предложено огромное количество теорий и не меньшее число эмпирических исследований, посвященных юмору и смеху.

Все это привело к необходимости критической оценки и анализа стремительно расширяющегося научного материала. В результате уже первые попытки систематизации накопленного научного знания привели к пониманию того, что большинство имеющихся теорий юмора в той или иной степени действует три концепции, известные еще с давних времен. В современной научной терминологии они известны под следующими названиями: «теория превосходства» («superiority theory»), «теория разрядки» («release theory») и «теория противоречия» («incongruity theory»). На сегодняшний день каждая из указанных теорий подкреплена своей, хоть и порой довольно противоречивой, эмпирической базой.

Пик популярности «теории разрядки» пришелся на 40–50-е гг. XX в. и был связан с активным развитием психологических наук. На смену устаревшим понятиям «нервной энергии» и «нервного напряжения» пришли измеряемые показатели тревоги и стресса. Юмор же стали часто рассматривать как одну из стратегий совладающего поведения. Однако, несмотря, на модернизацию старых понятий, общий смысл «теории разрядки» остался прежним: природа юмора видится в стремлении психики «разрядиться» (а в современных терминах снизить уровни стресса, тревоги или иных показателей, доступных для наблюдения).

«Теория превосходства» — концепция, согласно которой юмор является формой агрессии, доминирования, превосходства или негативного отношения к объекту осмежания. Повторное открытие «теории превосходства» пришлось на 60–70-е гг. XX в. Судя по временным рамкам, пробудившийся интерес к поиску мотивов юмористической агрессии был связан, скорее всего, с влиянием работ знаменитого австрийского зоолога Конрада Лоренца. На этот же исторический период приходятся и работы датского этолога Яна ван Хофа, посвященные исследованию «игровой мины» высших приматов и ее связи со смеховой мимикой человека. У наших обезьяньих родственников «игровая мина» служит коммуникативным сигналом перехода к игре. Поэтому природу юмора стали искать в непосредственной связке с феноменом игры. А «теория превосходства» приобрела новое понятие — «игровая агрессия». К «теории превосходства» можно отнести также и любые теории экзистенциальной направленности — когда основной смысл юмора видится в ощущении превосходства над неблагоприятными обстоятельствами действительности.

70-е гг. XX в. связаны с активным развитием когнитивных наук, поэтому и теории юмора, начиная с этого времени, фокусируются на когнитивных аспектах явления. Популярной становится так называемая

«теория противоречия» — концепция, согласно которой юмор представляет собой не что иное, как ситуацию столкновения с противоречием, несоответствием или неким контрастом. Серьезное влияние на развитие «теории противоречия» оказала идея А. Кёстлера о том, что в основе любой творческой деятельности лежит явление «биссоциации» — то есть неожиданного обнаружения связи между двумя матрицами мышления, которые до этого считались совершенно не связанными друг с другом. Данная идея оказала вдохновляющее влияние на анализ шуток с точки зрения содержания в них двух противоречивых «схем», «сценариев» или «фреймов» мышления. На сегодняшний день «теория противоречия» является наиболее популярной из трех концепций. В рамках «теории противоречия» получили развитие также и лингвистические теории юмора.

Основываясь на анализе эмпирических данных и теоретических подходов к пониманию природы юмора, нами было дано авторское его определение (см. «Положения, выносимые на защиту», п. 2).

Вторая глава **«Роль юмора в жизни человека и общества: основные функции и тенденции развития»** посвящена месту и роли юмора в культуре, а также анализу основных тенденций развития юмора в современном обществе: раскрытию прагматики юмора, анализу явлений черного и оскорбительного юмора.

Первый параграф **«Роль юмора в игровых сценариях культуры»** посвящен изучению роли и места юмора в культуре.

Юмор долгое время ассоциировался с игрой, что выражалось в попытках метафорически описать его как «щекотку разума» (Жан Поль), «игру представлений души» (И. Кант), игру идей и слов. Эта образность языка с удивительной точностью указывала на наличие некой связи между двумя явлениями. Дело в том, что у юмора и игры всегда был хороший посредник — смех. Именно смех в равной степени сопровождал как забавное, так и забавы. В 70-е г. XX в. появляются первые научные свидетельства связи смеха, а значит косвенно и юмора, с феноменом игры. Наблюдения этологов позволили не только установить наличие связи между «игровой миной» высших приматов и смеховой мимикой человека, но и описать образцы юмора шимпанзе и горилл, обученных языку знаков.

Вполне закономерно, что и юмор, и смех, и игра долгое время оставались на периферии научно-философских поисков как комплекс явлений несерьезных, бесполезных и пустых. Лишь в XX веке происходит их частичная реабилитация. Игра начинает рассматриваться не только как важнейший элемент социально-культурной жизни, но и как ее прародительница. Любопытна в этой связи игровая концепция культуры, сформулированная Й. Хейзингой и дополненная Р. Кайуа. Согласно данной концепции, игра является прародительницей всей культуры с ее «воображаемым порядком» норм и правил. Й. Хейзинга выдвинул революционный тезис: игра не может рассматриваться как продукт культуры,

так как она старше самой культуры. Напротив, все явления человеческой культуры — от норм права и религиозного церемониала до военного дела и философских споров — имеют в своей природе игровое начало. Однако они мало напоминают по своему духу игровой процесс. Дело в том, что в работах Й. Хейзинги и Р. Кайуа игра далеко не безобидна. Она есть иллюзия, которая в результате постоянной повторяемости одних и тех же действий, правил и ходов, разыгрывания одних и тех же сценариев, заставляет нас верить в ее реальность, а значит — и в ее серьезность. А ведь именно на вере в необходимость соблюдения правил, формирующих воображаемую реальность, и основана любая игра. Нагнетание атмосферы серьезности и усиление веры в важность всего происходящего противостоят духу истинной игры, а значит и духу социокультурного развития. Ролевые стереотипы, утверждение окончательного статуса победителя, ужесточение правил входа в игру — все это непреодолимый процесс вырождения игрового духа в результате инертного развития общества и культуры. Действительно, обществу свойственно постоянство социальных ролей, а человеческому мышлению — ригидность и инертность. Об этом ярко свидетельствуют результаты всемирно известного Стэнфордского «тюремного эксперимента» Ф. Зимбардо.

Отдельное место в концепции Й. Хейзинги занимает понятие «шпильбрехера» — нарушителя игрового процесса. Настоящим «шпильбрехером» является не тот, кто жульничает, а тот, кто замечает бессмысличество и абсурдность игры, тем самым подвергая сомнению серьезность ее правил и целей. На роль такого «шпильбрехера» лучше всего подходят юмор и сопровождающий его смех. Чтобы играть, мы должны хотя бы на время забыться и поверить в серьезность игрового процесса. Юмор же на самых ранних этапах своего развития, еще в состоянии детского «протоюмора», внешне проявляет себя как «антитоведение» — то есть поведение, связанное с нарушением правил повседневности, категорий абстрактного мышления, правильного использования предметов, языка и даже логики.

Открытым остается вопрос о корректирующей роли юмора в культуре. Ряд крупных философов (С. Кьеркегор, А. Бергсон, Л.Н. Соловьев и др.) высказывали идею о том, что юмор с его нацеленностью на осмеяние общественных пороков, грехов и псевдоценостей, является двигателем социально-культурного развития. Однако, наше исследование свидетельствует также и, о том, что юмор и юмористическое поведение может являться заложником устаревших сценариев как человеческой психики, так и культуры вообще. Так, например, в «сценарном анализе» Э. Берна и К. Штайнера роль смеха и юмора двояка. С одной стороны, юмор и смех служат выражением озарения по поводу осознания нелепости собственного жизненного сценария. Юмор помогает разрушить границы игры, заложником которой стал человек. С другой стороны, имеется здесь и исключение. В ситуации «трансакция висельника» привычка смеяться над

собственными неудачами лишь закрепляет действие трагического жизненного сценария. Смех в данном случае служит поощрением к дальнейшему саморазрушающему поведению. Объяснение пациенту его сценария и пресечение привычки смеяться, рассказывая о собственных неудачах, напротив, ведет к освобождению от трагического сценария.

В вопросе исследования взаимозависимостей между юмором и игрой, игрой и культурой, юмором и культурой мы склоняемся к теории отечественного антрополога А.Г. Козинцева, который выделяет два антагонистических типа игры — «игру порядка» (игра по правилам, описанная Й. Хёйзинга) и «игру беспорядка». Так как «игра порядка» и так протекает по заранее установленным правилам, сформулированным с помощью языка, то «игра беспорядка» требует дополнительного сигнала о нарушении игровых норм — этим сигналом и является смех. Различие между человеком и животным определяется тем, что животные не знают серьезной «игры порядка», так как у них нет речи. Смех и юмор отменяют действие многих устойчивых элементов культуры и даже приостанавливают на время речь. Происходит временное снятие «стрессогенного» влияния таких культурных элементов, как: моральные табу, стыд, разум, язык, условности этикета, самомнение, запрограммированность социальных ролей, проявление конформизма, преклонение перед авторитетами и т.д. Согласно А.Г. Козинцеву, смех представляет собой защитную реакцию нашего вида на воздействие культуры. Если «игра порядка» служит прообразом культуры, то «игра беспорядка» — ее антагонистом.

Во втором параграфе «Функции юмора в обществе» показано, что осознание функций юмора происходит постепенно в соответствии с процессом социокультурного развития. Так, в античную эпоху, согласно работам Цицерона и Квинтилиана, юмор применяется осознанно как одна из стратегий ораторского искусства. Шутки и ироничное парирование используются в политических и судебных заседаниях. Помимо этого, в работе Квинтилиана мы обнаруживаем признание рекреационной функции смеха и юмора. С приходом эпохи средневековья, под действием общей атмосферы аскезы и серьезности, верх берет в целом негативное отношение к смеху и смешному (хотя подобное отношение наблюдается уже в работах Платона). В данных явлениях видится больше зла, чем пользы — они ассоциируются со всевозможными грехами и пороками. Попытки анализа явлений сопровождаются назидательно-морализаторским тоном. На протяжении веков юмор рассматривается как явление бесполезное, пустое, противостоящее труду и серьезным жизненным миссиям. Фокус внимания направлен на изучение негативных функций юмора, связанных с мотивами самоутверждения, доминирования, агрессии (например, Т. Гоббс). Лишь с конца XIX века серьезно возрастает интерес к исследованию позитивных функций юмора и вариантов их проявления в различных сферах жизни как человека, так и общества в целом. Раскрытие значимости социальной природы смеха и юмора, а также социальных функций данных явлений,

связано с работами А. Бергсона и Н.Г. Чернышевского. На протяжении всего XX в. многочисленные эмпирические и теоретически исследования отчитываются о небывалой пользе юмора — о его полезных функциях в воспитании, менеджменте, налаживании связей между людьми. Отмечается даже позитивное влияние юмора на физическое здоровье человека (повышение иммунитета, ускорение процесса реабилитации после серьезных заболеваний и травм).

Сегодня мы являемся непосредственными свидетелями раскрытия обществом прагматической ценности юмора. Уже недостаточно говорить просто о пользе данного явления. Актуальными становятся работы, посвященные прагматике юмора — возможности его использования в качестве осознанной, целенаправленной технологии. Юмор активно коммерциализируется и монетизируется, а юмористическая сфера в целом — профессионализируется. Происходит смешение функционала серьезных и несерьезных сфер деятельности. Наиболее заметно влияние прагматизации юмора в сферах рекламы и продвижения интернет-контента. Конечно, юмористическая реклама появилась не вчера, однако в условиях интернет-торговли эффективность юмора существенно возрастает. Связано это со склонностью людей делиться друг с другом информацией именно юмористического содержания. Помимо создания заведомо юмористического продукта, набирают популярность и другие способы скрытого продвижения. Примером здесь может служить нативная реклама, маскирующаяся под шутку или мем. За несерьезность, непринужденность, наивность и показной самодельность, которая маскируется под народный фольклор, зачастую скрываются серьезные мотивы рекламодателей. Учитывая влияние коммерческих интересов в отношении эффективности использования юмора, можно предполагать, что юмор станет еще более привлекательным предметом для дальнейших научных исследований.

В данном параграфе мы также провели обзор научных исследований, посвященных использованию юмора в образовании и педагогике. Позитивные функции юмора, как оказалось, прекрасно сочетаются с педагогическими запросами времени. Юмор является эффективным инструментом привлечения внимания учеников, улучшения имиджа педагога, способствует лучшей запоминаемости учебного материала, улучшает атмосферу в классе, а также социальную интеграцию робких детей. Однако все эти плюсы юмора достижимы лишь при компетентном его использовании в учебной аудитории. Практические рекомендации по компетентному использованию юмора в качестве активной педагогической стратегии представлены в «Заключении» данного диссертационного исследования. Отдельное внимание мы уделили обзору работ, посвященных феномену «клоуна класса».

В целом можно сказать, что основополагающие функции юмора непосредственно связаны с функциями игры и смеха, поэтому юмор служит важнейшим элементом групповой интеграции. Тем не менее в современном

социальном взаимодействии юмор может проявлять себя весьма разнообразно и нести в себе дезинтегрирующее воздействие. К одной из тенденций современных проявлений юмора можно отнести публичные скандалы, основанные на оскорбительном юморе или оскорблении юмором. С развитием процессов глобализации значение в подобных скандалах приобретают и имеющиеся деструктивные межкультурные оппозиции.

Третий параграф «Оскорбительный юмор и оскорбление юмором» посвящен комплексному анализу проблем оскорбительного юмора и оскорблении юмором. Юмор представляет собой один из интереснейших модулей коммуникации. Исследователи данного явления давно обратили внимание на разнообразие и неоднозначность его проявлений. Он может способствовать сплочению группы людей, нивелированию конфликтов и недоразумений, и, одновременно с этим, использоваться для целей буллинга, моббинга и дискриминации. Среди частых объектов юмористического оскорблении значатся расы, этнические группы, сексуальные меньшинства, массовые трагические события. Одна и та же шутка может быть воспринята по-разному в зависимости от того, при каких условиях, с каким намерением и кем именно она была озвучена.

Подробный анализ исследований, посвященных анализу конкретных конфликтных ситуаций, позволил нам сделать ряд выводов. Во-первых, представление о том, что юмор способен оскорбить ценности отдельных групп общества, не совсем верен. Дело в том, что юмор сам является отдельной ценностью современного общества, олицетворяя собой критичность мышления, свободу слова и отсутствие излишне серьезного отношения к собственной персоне. Отношение к юмору представителей современного общества в большинстве своем весьма позитивное, а чувство юмора является одной из самых востребованных черт личности. Человек без чувства юмора воспринимается как ущербный, ограниченный, высокомерный — то есть более чем Другой. В данных социокультурных условиях любые публичные конфликты на почве юмора чреваты огромными репутационными рисками для той стороны, которая, если можно так сказать, не поняла шутку. Более того, несмеховая реакция на юмор способствует дополнительному раскручиванию спирали насмешек в отношении стороны, продемонстрировавшей подобную реакцию.

В последние десятилетия участились конфликты, в основе которых лежит противостояние юмора и религии. Однако юмор — не единственная вещь, способная задеть чувства верующих, равно как и чувства верующих — не единственное, что способен задеть юмор. Тем не менее мы предполагаем, что число религиозно-юмористических столкновений будет лишь возрастать. Способствовать этому будет целый ряд факторов и культурно-исторических предпосылок. Это и исторически сложившееся во многих традиционных религиях недоверие к смеху, игре и веселью — отголосок средневекового запрета на смех. В современном религиозном мировоззрении до сих пор присутствует избыток серьезности и морализаторства, что контрастирует с

тенденцией на общее изменение отношения общества к данным явлениям. Имеется потребность в теологическом осмыслении явлений смеха и юмора.

Зачастую проблемы создают и сами религиозные лидеры. Речь идет об игнорировании многими традиционными религиями, включая православие, современных подходов к связям с общественностью и привлечению паствы. Более того, в ситуациях публичных, общественно значимых скандалов, предпочтение отдается силовым, по сути устаревшим, методам разрешения конфликта, что лишь обостряет имеющиеся в обществе противоречия. Более того, «несмеховая» реакция на юмор негативно сказывается как на репутации самой религиозной организации, так и на имидже ее последователей.

Четвертый параграф «Черный юмор: истоки и факторы популярности» посвящен анализу одной из тенденций современной культуры — а именно черному юмору. Черный юмор не является изобретением нашего времени. Более того, смех и смерть в предшествующие исторические эпохи соприкасались куда более тесно, чем в эпоху современную. Отдельные образцы черного юмора встречаются еще со времен античности. И все-таки начало активного развитие жанра, равно как и появление термина «черный юмор», приходится на период конца XIX — начала XX вв. Сегодня знакомство с черным юмором происходит с самого раннего детства. Образцы черных шуток присутствуют как в классической детской литературе, так и в детском фольклоре. Начиная со второй половины XX века появляется новый вид черного юмора, основанный на реальных катастрофах таких, как: голод, землетрясение, теракт, массовое убийство, крушение самолета, смерть знаменитости. Высмеиванию стали подвергаться трагические события, получившие широкую огласку в средствах массовой информации. В первую очередь речь идет о телевидении. Сегодня к телевидению прибавились интернет-медиа и социальные сети. С другой стороны, смерть не информационная, а реальная, буквально вытеснена из нашей жизни. По мнению французского историка Ф. Арьеса, со времен раннего средневековья (как минимум) отношение общества к смерти претерпело серьезные изменения. Для современного человека смерть является темой более табуированной и избегаемой, чем для представителей предшествующих исторических эпох. Несмотря на то, в виртуально-информационных источниках смерть упоминается довольно часто, ничто не напоминает о ней в реальной жизни — смерть кажется нам ирреальной и далекой. Именно такое сочетание создает идеальные условия для развития черного юмора.

Любопытно, что элемент «черноты» содержится и в других видах юмора. Ведь даже в классической комедийной сцене с падающим человеком есть элемент черного юмора — мы смеемся над тем, кому больно, над тем, кто страдает. Однако мы понимаем, что ситуация поправима — человек встанет, отряхнется и пойдет дальше. Даже если он и набил себе шишку, то она вскоре непременно заживет. Специфическая особенность черного юмора заключается в необратимости изображаемого в нем физического ущерба: умершего не вернешь, смертельно больного не вылечишь, оторванная

конечность не отрастет. При этом тематика черных шуток, а также их популярность, в значительной степени зависит от эффекта повторяемости. Многократное повторение эмоционально-насыщенной информации переводит трагедию в разряд абстрактной идеи, вокруг которой строится шутка (идея «Холокоста», идея «11 сентября», идея «теракта» и т.п.). В целом повторяемость информации влияет на создание стереотипов в отношении всех разновидностей юмора — в том числе и юмора оскорбительного. Как правило, оскорбительный юмор вскрывает уже имевшиеся до этого в общественном сознании стереотипы.

Помимо эффекта информационной повторяемости одних и тех же тем новостными медиа, в современном черном юморе присутствуют и повторяющиеся, фоновые, темы: детская смертность, детская инвалидность, дети больные раком, педофилия и т.п. Смерть абстрактных «маленьких мальчиков» и «маленьких девочек» присутствует в современном черном юморе во всем многообразии форм — от фольклора до монологов стендап-комиков. У данного явления имеются глубокие корни, которые следует искать в контексте социокультурной динамики. Основные источники социокультурного изменения, оказавшие и продолжающие оказывать существенное влияние на развитие и популярность данной тематики в жанре черного юмора: 1) изменение отношения общества к проблемам детей и детства; 2) изменение отношения общества к смерти, особенно детской.

В «**Заключении**» произведен анализ полученных результатов диссертационного исследования, сделаны общие выводы, а также выработаны практические рекомендации по использованию юмора в качестве активной педагогической стратегии. Описаны перспективы дальнейших исследований.

**Основное содержание диссертации отражено в публикациях:
Публикации в ведущих рецензируемых журналах, определённых
ВАК РФ:**

1. Губанов Н.Н., Рокотянская Л.О., Губанов Н.И. Роль черного юмора в произведениях для детей [Электронный ресурс] //Гуманитарный Вестник МГТУ им Баумана (№ 681 Приложения к Перечню ВАК РФ от 12 февраля 2019 г. №21-р). Эл. № ФС77-51037 от 3 сентября 2012 г. 2018. №6 (июнь). DOI: 10.18698/2306-8477-2018-6-530. (1,04 п.л. / 0,52 п.л.)

2. Губанов Н.Н., Рокотянская Л.О., Губанов Н.И. Черный юмор: превращение трагедии в абстрактную идею [Электронный ресурс] // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования (№ 667 Приложения к Перечню ВАК РФ от 12 февраля 2019 г. №21-р). Эл. № ФС77-48743 от 28 февраля 2012 г. 2018. № 3 (сентябрь). DOI: 10.15507/2078-9823.043.018.201803.328-340. (1,02 п.л. / 0,51 п.л.)

3. Губанов Н.Н., Рокотянская Л.О., Губанов Н.И. Теория и практика использования юмора в образовании [Электронный ресурс] // Alma Mater (Вестник Высшей Школы) (№ 5 Приложения к Перечню ВАК РФ от 12

февраля 2019 г. №21-р). Эл. № ФС77–55180 от 26 августа 2013 г. 2019. №1 (январь). DOI: 10.20339/AM.01-19.105. 2019. (0,99 п.л. / 0,49 п.л.)

4. Перспективы использования юмора в контексте современных педагогических тенденций [Электронный ресурс] / Л.О. Рокотянская [и др.] // Гуманитарный Вестник МГТУ им Баумана (№ 681 Приложения к Перечню ВАК РФ от 12 февраля 2019 г. №21-р). Эл. № ФС77–51037 от 3 сентября 2012 г. 2019. № 4 (август). DOI: 10.18698/2306-8477-2019-4-619. (1,01 п.л. / 0,51 п.л.)

5. Рокотянская Л.О., Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Религия и юмор: истоки противостояния и проблемы разрешения конфликтов [Электронный ресурс] // Гуманитарный Вестник МГТУ им Баумана (№ 681 Приложения к Перечню ВАК РФ от 12 февраля 2019 г. №21-р). Эл. № ФС77–51037 от 3 сентября 2012 г. 2019. №4 (август). DOI: 10.18698/2306-8477-2019-4-620. (1,25 п.л. / 0,63 п.л.)

Публикации в международных изданиях:

1. Gubanov N.N., Gubanov N.I., Rokotyanskaya L. Apollo's Challenge as a Driving Force in Education // International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Moscow. 2018. Vol. 283. P. 13–17. (0,73 п.л. / 0,18 п.л.)

2. Gubanov N.N., Gubanov N.I., Rokotyanskaya L. Factors of Black Humor Popularity // International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Moscow. 2018. Vol. 283. P. 379–383. (0,64 п.л. / 0,32 п.л.)

3. Gubanov N.I., Gubanov N.N., Rokotyanskaya L. Prospects for the Development of a Universal Theory of Truth // International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Moscow. 2018. Vol. 283. P.801–805. (0,66 п.л. / 0,17 п.л.)

4. Gubanov N.N., Gubanov N.I., Rokotyanskaya L. Conflicts Based on Humor and Religion // 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Moscow. 2019. Vol. 329. P. 2140–2144. (0,65 п.л. / 0,33 п.л.)

5. Motives for Children's Mortality in Modern Dark Humour/ L. Rokotyanskaya [et al.] // 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Moscow. 2019. Vol. 329. P. 2136–2139. (0,53 п.л. / 0,27 п.л.)

Публикации в других изданиях:

1. Рокотянская Л.О. Природа юмора и его влияние на общественные отношения [Электронный ресурс] // Молодежный научно-технический

вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана. 2016. № 5. URL: <http://sntbul.bmstu.ru/doc/840010.html> (дата обращения: 03.09.2019). (0,62 п.л.)

2. Рокотянская Л.О. Роль юмора и игры в развитии человека и общества [Электронный ресурс] // Политехнический молодежный журнал. 2017. № 1. URL: <http://ptsj.ru/catalog/hum/phil/54.html> (дата обращения: 03.09.2019). (0,75 п.л.)

3. Рокотянская Л.О. Основные этапы развития чувства юмора у детей [Электронный ресурс] // Политехнический молодежный журнал МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2018. № 5. URL: <http://ptsj.ru/catalog/hum/phil/316.html> (дата обращения: 03.09.2019). (0,58 п.л.)

4. Рокотянская Л.О. Представления философов античности о «смехе» и «смешном» [Электронный ресурс] // Политехнический молодежный журнал МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2018. № 10. URL: <http://ptsj.ru/catalog/hum/phil/390.html> (дата обращения: 03.09.2019). (0,77 п.л.)

5. Рокотянская Л.О. Использование юмора в рекламе и продвижении интернет-контента // Богатство России: II Всероссийский форум научной молодежи (сборник докладов). М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2019. С. 185–186. (0,11 п.л.)